

Религиоведение. 2022. № 1. С. 35–51.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 1. P. 35–51.

DOI: 10.22250/20728662_2022_1_35

¹ Забияко А.А., ² Цзюй Куньи

^{1,2} Амурский государственный университет

^{1,2} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21

¹ sciencia@yandex.ru

² j_kueen@aliyun.com

Антропология / Anthropology
религии
of Religion

Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина

Аннотация. Публикация продолжает исследование религиозной жизни Харбина сквозь призму фольклорных текстов его жителей (русских и китайцев). Авторы фокусируют внимание на образе Николая Угодника (Николая Чудотворца, Николая Мирликийского), неотделимого от архитектурной мифологемы города – Свято-Николаевского собора и других харбинских храмов, посвящённых образу святого. Николай Чудотворец обрёл в сознании русских строителей КВЖД черты хранителя русского города посреди маньчжурских степей и болот. Позднее, в результате деификации, его черты были перенесены на мифологического персонажа сибирского фольклора – Старика Понужая. Китайское религиозное сознание проецировало на фольклорные сюжеты о Николае Угоднике мифологему Мудрого Старца (Старика вокзала, Старика Никола), Лао-Цзы, Духа земли – *ту ди гуна*. Авторы исследуют разнообразные жанры (мемораты, были, былички, апокрифические легенды), в которых запечатлены образ Николая Угодника в его проявлениях святости и отношении к нему русских и китайцев. Делается вывод о выраженности в почитании святого русскими примет народного православия, в почитании Чудотворца русским и китайским населением Северной Маньчжурии первой половины XX в. – маргинального, русско-китайского типа религиозности дальневосточного фронта.

Ключевые слова: Харбин, Николай Угодник, дальневосточный фронт, религиозный синкретизм, мифологема, устная история, фольклорный текст, профетизм

¹ Anna A. Zabiako, ² Ju Kunyi

^{1,2} Amur State University

^{1,2} 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveshensk, 675027, Russia

¹ sciencia@yandex.ru

² j_kueen@aliyun.com

The Plot of St. Nicholas in the Folklore Texts of the Residents of Harbin

Abstract. The publication continues the study of the religious life of Harbin through the prism of folklore texts of its inhabitants (Russians and Chinese). The authors focus on the image of St. Nicholas the Saint (Nicholas the Wonderworker, Nicholas of Myra), inseparable from the architectural mythologeme of the city – St. Nicholas Cathedral and other Harbin temples dedicated to the image of the saint. Russian Railways builders, Nicholas the Wonderworker, found in the minds of the Russian builders the features of the guardian of the Russian city in the middle of the Manchurian steppes and swamps. Later, as a result of deification, his features were transferred to the mythological character of Siberian folklore – the Old Man Ponzuzhai. The Chinese religious consciousness projected on folklore plots about Nicholas the Saint the mythologeme of the wise “Old man” (the Old Man of the station, the Old Man Nikola), Lao Tzu, the Spirit of the earth – *Tu Di Kong*. The authors explore various genres (memorials, were, epics, apocryphal legends), which depict the image of St. Nicholas in his manifestations of holiness and the attitude of Russians and Chinese towards him. Russian Orthodox Christians venerate the saint, and the Russian and Chinese populations of Northern Manchuria venerate the Miracle Worker in the first half of the 20th century – a marginal, Russian-Chinese type of religiosity of the Far Eastern frontier.

Key words: Harbin, St. Nikolas, the Far Eastern frontier, religious syncretism, mythologeme, oral history, folklore text, prophetism

А.А. Забияко

Цзюй Куньи

Введение

Николай Угодник (Николай Чудотворец, Николай Мирликийский, Святитель Николай; греч. Άγιος Νικόλαος – святой Николай; около 270 г., Патары, Ликия – около 345 г., Миры, Ликия) – один из самых любимых на Руси «простонародных» святых [Ростовский, 2003], его почитание приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа. [Успенский, 1978, 86–87]. Сюжеты, связанные с его деяниями, находят отражение не только в житиях, литературных произведениях, но и фольклорных жанрах (паремиях, рождественских подблюдных песнях, веснянках, стихах духовных, былинах и т.д.) [Веселовский, 1883; Аничков, 1892].

Николай Угодник «творил чудеса при жизни, но немало происходило и происходит чудес и после его смерти. Он помогает *морьякам, путешественникам, детям* и тем, *кто находится в заключении*, он помогает всем, *кто обращается к нему за помощью, и избавляет от бед*. Николаю Угоднику молятся *о благополучии в пути, спасении от бури и потопления на море, об исцелении от разных недугов, о покровительстве семейного очага, о помощи в разных бедах, от грусти и уныния, за детей, чтобы пристроить в замужество дочерей, о помощи в бедности и нужде, о заступничестве за вдов и сирот, о сострадании к беззащитным*» [Вознесенский, Гусев, 1899, 3] (Курсив наш. – Авт.). Его народному почитанию присущи «особая задушевность», «целый мир тёплой непосредственной веры», «иногда полной какой-то чуть не языческой идеализации» [Аничков, 1892, 2–3].

Очевидно, что на маньчжурской земле культ Николая Чудотворца был усвоен одновременно с приходом русских, возведением в Харбине первого православного храма – Свято-Николаевского кафедрального собора (арх. И.В. Падлевский; Новый город, Харбинский пр.-т, 21; 1899–1900) [Левашко, 2004] и установлением в нем иконы Заступника. Вероятно, выбор этого святого в качестве покровителя города, основанного в результате грандиозного «путешествия» русской короны в северо-восточный Китай, был обусловлен не только вышеперечисленными функциями Угодника, но и семантикой имени Николай (греч. «νικαα» – «побеждать»; «λαός» – народ: «победитель народов»). Присущие сложному, контаминированному образу русского Николы не только христианский, но и древний языческий элементы [Успенский, 1978, 87] в условиях дальневосточного фронта органично дополнились инокультурными и инорелигиозными коннотациями [Забяико, 2015, 13].

Степень изученности проблемы

Данная публикация продолжает изучение феномена «харбинского текста» первой половины XX в., сложившегося на стыке русской и китайской религиозной традиции [Забяико, Цзюй Куньи, 2021]. Авторы опираются, в первую очередь, на исследования, посвящённые религиозным основаниям культурной жизни Харбина, концептуально определённым работами А.П. Забяико [Забяико, 2006; Забяико, 2015; Забяико, Забяико, 2017]. Проявления феномена народного православия в религиозном сознании жителей Дальнего Востока и дальневосточной эмиграции изучены Я.В. Зиненко, А.А. Забяико, Цзюй Куньи [Забяико, Забяико, Зиненко, 2016; Забяико, Зиненко, 2021; Забяико, Цзюй Куньи, 2021]. Религиозный синкретизм как сущностная характеристика фронтальной ментальности харбинских жителей дифиниционно разработан Е.А. Конталева [Конталева, 2020].

В работах Цзюй Вэя, Цзюй Куньи, А.А. Забяико проложен путь к реконструкции повседневной культуры (в том числе, религиозной) жителей Харбина сквозь призму устной истории и связанных с нею фольклорных жанров. Начало изучению фольклорного образа Николая Чудотворца с точки зрения народного православия положено трудами А.Н. Веселовского [Веселовский, 1883] и А.Е. Аничкова [Аничков, 1892]; Ф. Гусевым и А. Вознесенским был составлен сборник народных и книжных преданий о чудесах Николая Мирликийского [Вознесенский, Гусев, 1899]. Культ на Руси святого подробно изучен Б.А. Успенским [Успенский, 1978; Успенский, 1982]. Методология жанрового анализа сказочной прозы, к которой относится корпус исследуемого фольклорного материала, определена работами Н.А. Криничной [Криничная, 2018], И.С. Веселовой [Веселова, 2003], С.Ю. Неклюдова [Неклюдов, Костюхин, 2003]. Работа по исследованию поэтики данных текстов и дальнейшему собиранию продолжена А.Ф. Балашовой [Балашова, 2014], В.С. Кузнецовой [Кузнецова, 2021] и др.

Православная архитектура русского Харбина и по линии КВЖД как отражение этнорелигиозного и этнокультурного сознания русских жителей Северной Маньчжурии, история строительства Свято-Николаевского кафедрального собора, уникальная личность его архитектора И.В. Падлевого детально исследованы С.С. Лешошко [Лешошко, 2001; Лешошко, 2004; Лешошко, 2003; Лешошко, 2015].

Новизна исследования и постановка гипотезы

Впервые религиозное сознание жителей Харбина первой половины XX в., ориентация их исторической памяти исследуются сквозь призму тематического комплекса фольклорных текстов о покровителе города Николае Чудотворце, хронологически охватывающих практически все этапы существования города вплоть до сегодняшних дней. Данная работа аккумулирует народные представления о святителе Николае, эксплицированные из фольклорных, литературных, публицистических текстов харбинцев, русских и китайцев, относящихся к прошлому и настоящему. Жанрово-тематический и семантический анализ нарративов о Николае Угоднике позволяет определить его значение в формировании маргинальной харбинской субкультуры и русско-китайского синкретизма в религиозных представлениях носителей фронтирной ментальности.

Методы и методология

Материалы собирались в ходе архивных разысканий (ГАРФ, ГАХК, РНБ, частные коллекции) и более 10 полевых исследований (2015–2021 гг.) в России, Китае, Австралии, Чехии, Латвии (гг. Москва, Санкт-Петербург, Благовещенск, Пекин, Харбин, Сидней, Карловы Вары, Огре). Основной метод исследования – устная история [Щеллова, 2020]. В результате очных, онлайн интервью и бесед были опрошены русские, китайские, метисированные респонденты; их возрастные характеристики – 80–90 лет [Зиненко, Цзюй Куньи, 2015; Забияко, Зиненко, Чжан Жуян, 2018; Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко, 2019; Цзюй Куньи, 2020; Zinenko, Kunyi Ju, 2021; Забияко, Цзюй Куньи 2021]. Авторы привлекали литературные, публицистические, архивные материалы по истории культурной и религиозной жизни Харбина первой половины XX гг. [Центр, <https://emigrant.amursu.ru/>].

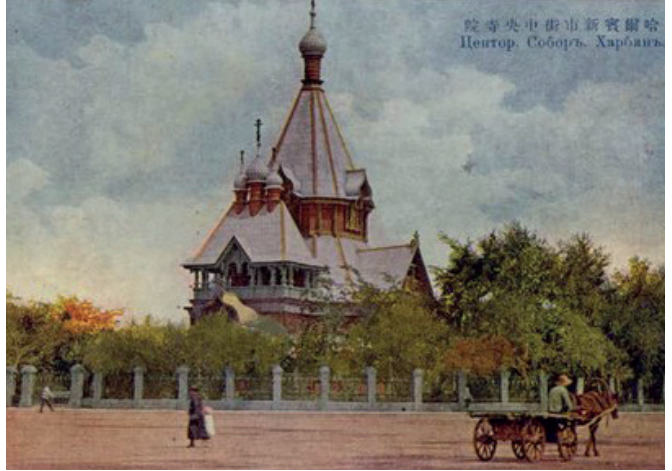
Исследование включает историко-генетический, культурно-исторический, феноменологический подход к религиозоведческому материалу; историко-типологический, семантический, жанрологический анализ при изучении литературного и фольклорного материала.

Обсуждение результатов исследования

Свято-Николаевский Собор был возведён в центральной части города на стыке трёх главных улиц: Большого проспекта, Старо-Харбинского шоссе, Вокзального проспекта. «Он был расположен в самом высоком месте Нового города и отсюда, как бы символически, возглавлял двадцать русских православных храмов Харбина и его окрестностей» [Николаев, 1968, 12–13]. 5 декабря 1900 г. храм был освящён, до 1903 г. оставался церковью чинов пограничной стражи КВЖД, затем его переименовали в железнодорожную церковь, в 1908 г. признали Собором. С 1922 г., в связи с учреждением Харбинской епархии, Собор получает наименование Кафедрального. Изначально Свято-Николаевский собор «с золотым крестом, доминирующий над окрестностями города, в образно-содержательном смысле становится культурным символом Харбина – “восточной Москвы”, как его называли, и больше – символом самой России» [Лешошко, 2003, 33, 118]. Именно в этом храме отмечались самые большие церковные праздники и служились торжественные молебны [Шмейсер, 1939].

Устные воспоминания всех ныне живущих харбинцев о детстве и юности неизменно обращаются к образу Собора и его уникальному местоположению: «Когда жили в Новом городе, мы ходили в собор, который стоял на перекрёстке всех дорог» (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р., (урож. г. Харбин), г. Сидней (Австралия); 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ]; «Церковь? Конечно. Конечно, ходил. И у нас в старом Харбине была церковь, и ходили в Собор. Красивый, деревянный. Его снесли. В шестьдесят шестом [1966]. Мы в этот собор ходили, главный» (Зап. от Виктора Михайловича Игнатенко, 1935 г.р., (урож. г. Харбин), г. Сидней (Австралия); 28 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Практически сразу с освящением храма в большом киоте на южной стороне от южных ворот Собора была установлена икона Святителя Николая Мирликийского – этот образ был исполнен «неизвестным русским мастером со строгим соблюдением правил старинной иконописи» [Мелихов, 2003, 93]. Официальных документальных подтверждений авторства иконы нет. В 1931 г. перед киотом похоронят Митрополита Харбинского и Маньчжурского Мефодия – первого Митрополита Маньчжурской Епархии Заграничного Синода Православной церкви.

Илл. 1. Свято-Николаевский Кафедральный Собор. Фото 30-х гг. XX в.

Впоследствии, по мере заселения города и близлежащих к центру КВЖД территорий представителями разных этнических групп и социальных слоёв, выходцев из Российской империи и центральных районов Китая, обретения Харбином статуса дальневосточного предела русского беженства функции Николая Угодника в сознании простых харбинцев получают самое непосредственное толкование.

Один за другим, в разных районах, в Харбине вырастают храмы и часовни в честь святого: Свято-Николаевская церковь (Старый Харбин, Армейская ул., 3; 1898, 1926), Свято-Николаевская церковь (Пристань, при Харбинской тюрьме; 1928), Свято-Николаевская церковь (Затон; Тун-Чао, 1; 1923; 1928), Иверская часовня (Арх. Е.А. Уласовец, П.Ф. Федоровский; Новый город, территория Св.-Николаевского собора; 1933) [Левощко, 2001]. Открываются Первое Реальное Училище и Лицей, чьим покровителем считается святой Николай. Строятся храмы в его честь на станциях Эхо, Пограничной, в Чжалантуни.

Русскими маньчжурцами повсеместно отмечаются дни Николая Чудотворца (Никола Зимний, 6 (19) декабря и Никола Вешний» 9 (22 мая)), справляются торжественные молебны: «*Два раза в году, это был большой праздник – Никола Зимний и Никола Вешний. Было празднование в школе. Это был молебен. Если были дети, которые носили это имя, их в школе уже не было – именинников отпускали домой, это был их День Ангела. И к ним приходили из класса на День Ангела*» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 3 февраля 2022 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]. Празднование «*никольских дней*» представлялось маньчжурским изгнанникам одним из способов подтвердить свою этничность: «*Николе зимнему вдогонку / Никола Вешний уж спешит... / Как вспомнишь русскую сторонку, / Так больно сердце задрожит...*» (А. Ачаир «*Степные звоны*») [Ачаир, 1943].

По мнению харбинцев и живущих по линии КВЖД, Николай Чудотворец помогал всем, был везде и всюду, где возникала в нем нужда. Постепенно Николай Угодник начал своё «хождение» по Харбину, уже не будучи определённи ни локально, ни темпорально, ни этнически закреплён, простирая свои функции и атрибуты на харбинцев всех национальностей и верований – согласно общерусским простонародным представлениям, зачастую идентифицируясь с богом [Успенский, 1978; Успенский, 1982].

В 1928 г. на добровольные пожертвования, в том числе и арестантов, была построена тюремная церковь на Пристань. На её открытии присутствовал архиепископ Мелетий: «*Вся церковь от иконостаса до мелочей сделана руками заключённых*», иконостас и стены расписаны также были «художниками-узниками. Ими же окрашены стены масляной краской и написана картина “Николай Чудотворец оста-

навливает палача, занёсшего меч над головой преступника”. «И арестанты усердно молятся. Новый храм для них – светлый луч в однообразной жизни» [Храм, 1928].

Наибольшей популярностью и степенью востребованности у харбинцев и всех приезжающих обладал мозаичный киот с изображением Николая Чудотворца, установленный в здании Харбинского железнодорожного вокзала. «Путник, сошедший с поезда и вошедший в здание Харбинского вокзала, прежде всего, забывая на миг путевые волнения, благоговейно замирал перед ярко освещённым образом Св. Николая Чудотворца. Оказавшись в группе таких же, как он, пассажиров, он переживал, испытывал, наверно, ту же благодать, его охватившую, какую чувствовал на себе и стоящий рядом с ним. Святое место. Занято им было не более 50–60 кв. футов. Образ Чудотворца в скромном киоте, к нему возвышение из двух ступеней, большой (свечей на 80–100) подсвечник, свечной ящик, никогда не пустующий» [Николаев, 1968, 14].

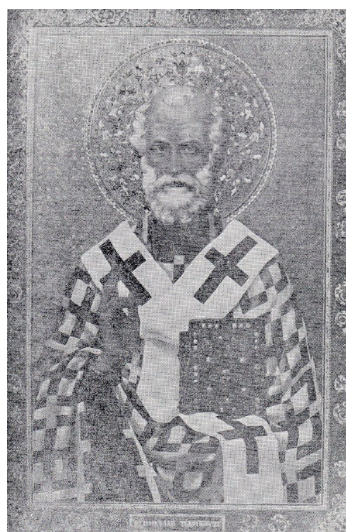
Практически каждый из наших русских респондентов, вспоминая харбинскую жизнь, акцентирует своё внимание на этом образе Николая Угодника и его особенном восприятии горожанами и приезжими: «На стене здания железнодорожного вокзала Харбина висела огромная икона Святого Николая. Недалеко от иконостаса горел длинный свет, и все проходящие мимо верующие <были> будто зажжены воском» (Зап. от Василия Димитриевича Дронова, 1926 г.р., (урож. г. Хайлар, КНР), г. Сидней (Австралия); 29 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

«Я осталась ещё свидетелем того времени, когда на вокзале стоял киот Николая Чудотворца. Он стоял там, сейчас вам скажу, вот точно не могу сказать сейчас, до какого года. Только могу сказать, что мы, когда ездили куда-то, Эрдэнцзянцзы или куда-то в восточную ветку со школой, всегда подходили к этой иконе, молились, ставили свечи» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Образ был равно любим как русскими, так и китайцами: «Не было случая кражи свечей из открытого свечного ящика – явление необъяснимое для нищих и всегда полуголодных китайских рики и чернорабочих кули» [Николаев, 1968, 13]. «Там всегда была масса свечей. Причём стояли обычные два светильника, этих... как это называется... подсвечника. И китайский ящик с песком. И китайцы приходили и ставили эти свечи в песок. Но они ставили курительные свои свечи, потому что, когда заходишь, бывало, на вокзал, и сразу запах этих свечей, такой терпкий, китайский, знаете, запах свечей. То есть они ставили ему свечи, потом они, значит,

Илл. 2. Тюремный храм на Пристанях, 1928 г.
Фото из журнала «Рубеж».

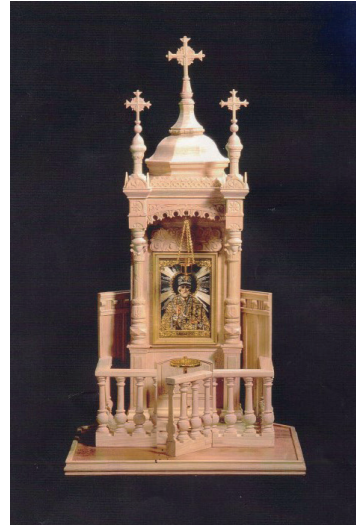

Илл. 3. Икона Николая Чудотворца из киота на железнодорожном вокзале.

складывали молитвенно руки, несколько раз их трясли и говорили: “Старик Никола Вокзала, помогай-ла”. Это было вот... наверно, в тридцатых годах [1930-х гг.]. Но когда мы ушли на Таможенную улицу учиться [начало 40-х гг. – Авт.], этот образ поставили в часовне <Свято-Николаевского> Собора. Там же, знаете, что там была часовня в Соборе, в ограде» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АМГУ] (речь идёт об Иверской часовне в ограде Собора, куда в 1947 г. перенесли образ Николая Угодника).

В народном сознании русских харбинцев прочно укрепилось представление о том, что Николай Угодник отвечал китайцам взаимностью: «Ну, о нём [Николае Чудотворце. – Авт.], конечно, очень много легенд было. Ходили легенды о том, что он помогал китайцам очень» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АМГУ]. В этом делегировании благодати, распространяемой русским святым на «нехристей», вероятно, выразилась подспудно русская благодарность китайцам за то, что те приняли беженцев в их неприкаянности и убогости и долгие годы мирно сосуществовали с русскими, уважая чужие святыни. Именно китайцы защитили образ Николая в 1924 г., когда КВЖД была поделена между Советской Россией и Китаем: «Обратились к председателю правления, китайцу, с петицией: “Если русским не надо, нам надо. Старик хороший, нельзя убирать”. Советская администрация должна была уступить: китайские почитатели Угодника могли и на драку пойти» [Крузенштерн-Петерец, 1998, 26]. Чуть позднее в газете «Восток» писалось о том, что не только старожилы-кавэжедэки всяческими уловками пытались сохранить изображение Николая Угодника, мешавшее советской администрации вокзала, но и китайские полицейские. Согласившись, что это теперь – их собственность, они выставили возле киота свой особый караул и разрешили русским православным очистить и украсить образ цветами и свечками. Наблюдая работу благочестивых людей, китайские полицейские все время твердили: «Хо, шибко хо! Его старика шибко шанго, большевика бу хо!»¹ [Коммунистическое иконоборчество, 1925]. Впоследствии фабулат о спасении вокзального Николая китайцами обрёл легендарный характер и был включён в корпусы проповедей православных священников русского зарубежья.

Вполне вероятно, образ Николая Угодника – доброго старца с окладистой бородой, в золотых ризах, расположенный в здании вокзала, буквально символизирующем «перекрёсток» Запада и Востока (в определённом смысле – таможенный пост), мог синкретизироваться в сознании китайцев с хрестоматийной мифологемой Лао-Цзы (老子 букв. «Старый мудрец»/ «Старый ребёнок»), отправившегося на запад – к самым последним рубежам Поднебесной [Лукьянов, 1991]. С другой стороны, не только иконописный лик Николая Мирликийского, но и его «крестьянская» ориентированность, связь со «скотским богом» Велесом [Успенский, 1982] семантически соотносимы с общекитайским образом 土地公 (Tu Di Gong), Духа земли (Бога земли), имеющего образ Старика со седыми волосами и бородой. Это – божество локальное, свой администратор-*ту ди гун* есть в каждой местности, управляет определённой территорией [Чжан Кэмин, 1989; Гэн Вэньхуэй, 1991; Жень Джиюй, 1998; Вань Ли, 2006]. Поскольку 土地公 приносит пользу поселениям и защищает простых людей, он также известен как «Бог благословения и Праведности». Культ этого духа существовал и на севере, и на юге Китая, ему возводились храмы и приносились жертвоприношения [Духовная культура, 2007, 102–103]. Так или, но пиджинизированные именованья «Старика вокзала», «Старика Собора» свидетельствуют об архетипическом образе «Мудрого старца» в китайском культе русского святого.

Илл. 4. Иверская часовня
Свято-Николаевского Собора.
Макет. Австралия.

Маньчжурская история образа Николая Чудотворца, явленного в иконоических ликах и в повествованиях разного рода, изначально была исполнена мифологической сюжетикой, имеет несколько этапов становления – с момента избрания его покровителем русского города до драматического события разрушения Свято-Николаевского Кафедрального Собора в 1966 г. хунвейбинами. Недостающие звенья в истории харбинского Чудотворца мифологизированное сознание его жителей достраивает постфактум. Из этих нарративов складывается фольклорное слово о харбинском заступнике и его святом образе, воплощённое в разных родовых жанровых формах, своеобразно пересекающимися с литературными, публицистическими, проповедническими текстами.

Аккумулируя разные принципы фольклористической классификации, в этих нарративах с повествовательной точки зрения мы выделяем *мемораты* (рассказы от первого лица) и *фабулаты* (рассказы от третьего лица) [Веселова, 2003]; с жанрово-тематической точки зрения «случай из жизни», этиологические, эсхатологические, социально-утопические, пророческие легенды.

Ко времени основания Харбина, постройки Свято-Николаевской церкви, усвоения образа Николая Угодника в качестве небесного попечителя города приурочен возникший много позднее легендарный *этиологический фабулат* о написании иконы иркутским самородком-иконописцем Никитой Иконником по поручению императорского двора [Николаев, 1968, 25]. В истории сибирской иконописи встречается упоминание о некоем иконописце «Микитке Иконнике», жившем, правда, задолго до описываемых событий – ему приписываются работы 1680-х гг. [Крючкова, 2018]. Далее сюжет о написании этого образа обретает характер апокрифической легенды, в которой совмещены жанр видения и пророчества [Пропп, 1998]: якобы ночью (во сне) к мастеру является сам Николай Чудотворец, обещая: «Ты не уходи, Никита, подожди меня, я за тобой приду» [Николаев, 1968, 37].

К тяжелой године гражданской междоусобицы, жестокого Ледяного похода, положившего начало формированию восточной ветви русского зарубежья, относится *олитературенная быличка* о Понужае, вобравшая и отразившая региональный мифологический компонент в почитании Николая Угодника [Несмелов, 2006, 132–133]². Императив «понужай» (устар., затем – диалектн. заб. понужать – принуждать, заставлять, преодолевать) в результате субстантивации становится обозначением восточносибирского, а затем дальневосточного Лешего/Деда Мороза. Деифицированный образ Понужая сопровождал участников Ледяного похода, в его чертах белопоходники видели «заступника за народ и Землю Русскую, Святителя Николая Чудотворца» [Мелихов, 2003, 180].

О связи образа Николая с таёжными пространствами, суровыми условиями Маньчжурии и распространении его благодати не только на русские, но и на иноплеменные народы косвенно указывает былевой фабулат: «*Один русский охотник забрёл далеко, далеко в тайгу или в степь, и там попал на китайский хутор, где искал отдыха. Приветливые хозяева его приняли, он увидел у них над дверью старенький образок святителя Николая и думает: “Что эти язычники могут с ним сделать, зачем он им нужен?”*. И хотел у них взять. Хозяин обиделся, говорит: «Как ты хочешь взять у нас этого Старика, он такой добрый, он так хорошо помогает. Мы ни за что не отдадим!» [Филарет, 1982]³.

В период расцвета Харбина 1920–1930 гг. особенной популярностью среди его жителей пользовалась апокрифическая легенда-фабулат о спасении тонущего китайца-лодочника, о чём свидетельствуют архивные и полевые материалы [Николаев, 1968, 12–13]. В одной из проповедей святителя Филарета своей харбинской пастве было рассказано о другом бедолаге-китайце, чуть не утонувшем в весенний ледоход: «*И уже захлёбываясь, погибая, он вспомнил об этом чудотворном образе, который почитали не только русские православные, а и его соотечественники-язычники. И вот он, утопая, отчаянно завопил: “Старик с вокзала, помоги!”*» И потерял сознание, совсем погружаясь в воду – уже гибнет... И неожиданно оказался на берегу реки мокрый, но живой и невредимый! Вот он бросился бегом, а вокзал был далеко, вбежал туда и перед образом благодарил великого святителя за это совершенно явное и потрясающее чудо его милости и любви» [Филарет, 1982].

В собранных нами полевых материалах данный сюжет передаётся респондентами в индивидуальной манере, с разной степенью детализации – в зависимости от уровня эмоциональности, образованности, словоохотливости: «Ну первая <легенда>, Вы же знаете... Первая легенда, когда тонул китаец и кричал: “Старика Никола, помогай-ла!”. То есть была такая страшная буря на Сунгари. А бури случались, знаете, каким образом? Вот ясный день и вроде все хорошо. Вдруг набегают какая-то туча, начинается ветер. И Сунгари была очень коварной рекой, там очень много водоворотов было, там было всевозможных таких моментов, когда люди тонули. И вот этот китаец, о котором уже легенды эти переросли и остались. И до сих пор люди вспоминают, как он кричал: “Старика Никола, помогай-ла!”. И говорит, как китаец рассказывал, так он говорит, как какая-то сила схватила его за шиворот и выбросила на берег. Прямо вот с силой выбросила на берег. И вот он когда вышел, он побежал на вокзал, и он там, как рассказывают очевидцы, упал на колени и плакал» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

Данный легендарный фабулат стал широко известен не только в Харбине, но и по всей линии КВЖД: «Ещё эти <китайцы> говорят: «Харбин, старик вокзала, спасай!» Китаец один на дачу переправлял <ся>, потонул, перевернулся, но чудесный Старик его спас. И он сходил, этот китаец, свечки ставил. Моллился Николаю-Угоднику (Зап. от Варфоломея Семёнович Калугин, 1932 г.р. (урож. станции Эхо, КНР), г. Сидней (Австралия); 27 августа 2019 г. Соб.: Цзюй Куньи, А.П. Ивачёв) [ЦИДВЭ АмГУ].

Однако, как следует из воспоминаний харбинцев, образ Николая Угодника в восприятии китайского населения также не был строго локализован вокзальным киотом и образом Старика Вокзала – в «Лама-Тай» (так они именовали Свято-Николаевский Собор) он был «Старика Собора». Китайцы «...в самые тяжкие дни народного горя являлись в наши храмы со своими священниками, чтобы вымолить дождя в засуху и прекращения его – в наводнение» [Дземешкевич, 121]. Имя «Николай» было у них необыкновенно популярно, с ним многие принимали крещение [Дземешкевич, 119].

Как известно, Николай Угодник – любимый «детский» святой, не случайно его образ так прочно вошёл в праздничную святочно-рождественскую мифологию. В Маньчжурии его благодати хватало не только маленьким русским харбинцам, но и китайчатам. Об этом – апокрифическая легенда-фабулат, распространившаяся далеко за пределы дальневосточного беженства: «Однако в том, 1935-ом, году произошло нечто, привлёкшее к иконе ещё большее внимание всего Харбина. Там за городом, возле реки Сунгари, есть гора. Власти собрались на этом месте что-то строить, и гору нужно было копать. Копали долго и много. Однажды китайские дети играли под этой горой, уже сильно подкопанной. Да гора уже была подрыта настолько, что её верхняя часть нависала, как некая, можно сказать, крыша. И вот как раз под этой крышей китайские дети играли, когда вдруг явился некий белобородый старик и велел сейчас же убежать оттуда. Дети беспрекословно послушались старика, испугавшись его появления больше, нежели чего бы то ни было иного. И как только дети убежали, гора обвалилась со страшным грохотом. Останься там, дети бы все погибли. А увидев обвал горы, дети рассказали, что там погиб такой-то дедушка. Рабочие провели раскопки, но старика не нашли. Но кто-то из тех детей после случившегося оказался на вокзале и, когда увидел икону святителя Николая, закричал: “Вот он, тот старик, который нам явился и прогнал нас из-под горы!”» (Владыка Димитрий)⁴ [Сербский, 2013; Николай Чудотворец, <http://www.nikola-ygodnik.narod.ru/>].

Особенно тяжело как русским, так и китайцам, приходилось в дни японской оккупации – к этому времени относится апокрифическая (в других вариантах – профетическая) легенда о чудесном попутчике, явившемся русскому таксисту: «И при японцах что-то творилось, боже мой! Сколько тоже было рассказов, я не знаю. То ли рассказы, то ли это действительно были... <...> [рассказывает о бесчинствах японцев. – Авт.] [Забияко, 2021]. Был очень интересный рассказ о том, как один харбинец, русский [таксист. – Авт.], конечно, ночью говорит, поздно, что-

то не было у него никакой выработки, была какая-то неудачная работа. К нему подсел старик. Ну и он, конечно, его не разглядел, только по голосу понял, что он старик, и он спросил: “Куда изволите?”. А он говорит: “Подвези меня к Собору”. И он его подвёз к собору [Свято-Николаевскому – Авт.], открыл дверь, и старик исчез. Вот растаял на глазах, растаял, но он ему оставил мешочек с деньгами. Вот, пожалуй, легенда – не легенда, кто знает? Наверно, это так было. Потому что, наверно, у него не было денег, было мало, а он за извоз ничего не заработал, и вот старик ему помог. Но он говорит, он растаял, он говорит, открыл дверь и растаял. Он ему открыл дверь, выставил его, потому что он понял, что он старый, ему трудно, и чтобы ему помочь... <...> И когда он исчез, он <таксист> вернулся на сидение, а там лежали деньги в мешочке. И он подумал: “Ведь это был Николай!”

Это был Николай Чудотворец! Когда он ушёл, уехал с этого места, он понял. Он понял!» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ]. В другом варианте, уже пророческой легенды, таксист сетует «старичку» на страхи жителей перед бомбёжками. «А вы не бойтесь — ничего не будет. Молитесь», — и исчез. А таксист подъехал к храму и в образе Николая Угодника узнал своего пассажира [Фундерат, 2015].

Действительно, при освобождении советскими войсками в сентябре 1945 г. Харбин практически не пострадал [Огарков, 1980]. Угодник спас «намоленный» православными жителями город. Апокрифическая легенда вошла в проповеди бывших харбинских пастырей [Филарет, 1982], воспоминания и устные истории простых харбинцев. Последний вариант фабулата более развернут, насыщен предысторией и эмоциональным отношением к сообщаемому рассказчицы: «Рассказывали, что, когда бомбить решили Харбин, и они поднялись, лётчики наши, поднялись в небо, был приказ бомбить Харбин. А мы ждали этого момента. Ждали, потому что началась война, и они же шли с Хингана. Японцы не знали. Японцы не ожидали никак этого всего, потому что с Хингана они никак их не ждали. Ну, а тут, так получилось и где-то в Тимусах [Цзямусы. – Авт.] был там наш уже отряд авиа, поднялись они в воздух по приказу. Была такая пелена в небе непроходимая, как говорится, нелётная, и они увидели этот образ Николая Чудотворца на небе увидели и решили: “Что за старик, какой-то старик...”. Понимаете? Потом они вернулись по приказу, потому что невозможно было. И так повторилось дважды. Дважды они поднимались, лётная погода, они поднимались, вдруг – погода нелётная, и опять старик в небе. Всё. Харбин не бомбили. Мы остались живы. Харбин был намолен. И когда эти лётчики... Когда они пришли в один из домов и увидели икону Николая Чудотворца, они его узнали и сказали: “А... это же тот старик, которого мы видели в небе, когда мы поднимались бомбить ваш Харбин”. Ну, знаете, вот такие были легенды. Не могу вам сказать, что было это на самом деле или это было, вернее это было или это сказка, но, во всяком случае, так было, так было» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 6 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ; ср.: Фундерат, 2015].

Образ «милующего и спасающего» Николая Чудотворца был привычен харбинцам. Но он же «иногда являлся грозным карателем, когда видел, что нужны какие-то строгие меры» [Филарет, 1982]. Жестоко был наказан святотатствующий у привокзального образа советский боец: «“Если Бог есть, Он может, пусть Он меня накажет!” Поднялся по ступенькам к иконе, и от лампы закурил папироску, поворачивается, с улыбающейся физиономией к своим приятелям. Он был весь обвешан гранатами, и без всякой видимой причины, эти гранаты, внезапно, взорвались все – разнесли его буквально на мелкие кусочки, от него ничего не осталось, а никто другой, несмотря на силу взрыва, не пострадал. Только он погиб» [Филарет, 1982].

Несмотря на «интернационализм» благодати, посылаемой Николаем Угодником, этническое сознание русских харбинцев закономерно приписывало промыслительную направленность чудес споспешника добрых начинаний харбинцев их приверженности (терпимости) к православию, а стало быть – русскости. Такая убежденность сопровождается эсхатологическими приметами, связывающими в единую парадигматическую цепочку образы русских харбинцев–Николая Угодника–

Свято-Николаевского Собора: *«Конечно, мы очень веровали в него, очень. Для нас это был святой, который охранял Харбин. Ведь недаром китайцы сказали – те китайцы, тех времён китайцы, сказали: “Ушли русские, и Николай Чудотворец отвернулся от нас”. Потому что наступила пора холода, голода, как говорится [речь идёт о годах «культурной революции» и последующих тяжёлых годах. – Авт.]. Страшно было. <...> И китайцы так и говорили: “Ушли русские, и Николай Чудотворец вместе с ними ушёл из Харбина”. Ну, уж когда спалили собор-то, ну они его не спалили, они [хунвейбины], конечно, его разобрали, тогда и совсем конец всему пришёл <...>»* (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урожд. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 6 сентября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко) [ЦИДВЭ АмГУ].

День уничтожения Свято-Николаевского храма хунвейбинами в 1966 г. и Иверской часовни при нем, сжигание икон и церковной утвари оставили трагический след в памяти очевидцев [Разрушен Свято-Николаевский собор, 1966; Покропивина, 1994]. Боль утраты одновременно с неистребляемой верой в животворящую силу Николая Угодника формировала в сознании рассеянных по свету харбинцев новые легенды и подвигла на сложение текста профетического содержания, включающего несколько сюжетно связанных между собой легенд.

Первая, уже упомянутая, этиологическая легенда обращена к истории появления харбинской святыни [Николаев, 1968]. Вторая повествует о том, как накануне трагического события к Председателю Городского Совета Суну, призванному руководить уничтожением храма, является Николай Угодник и призывает китайца спрятать его икону [Николаев, 1968, 53–54]. Николай Чудотворец излечивает больную руку Председателя, парализованную уже 20 лет и признанную китайскими врачами безнадежной. Терзаясь атеистическими сомнениями, безусловно верный воле партии, Сун всё же принимает компромиссное решение: уничтожить Собор, но под благовидным предлогом передать икону Николая Угодника в Пекинский исторический музей.

Следующий легендарный (социально-утопический) сюжет повествует о том, как по окончании третьей мировой (атомной) войны *«человечество маленькими неуверенными шагами стало вступать на путь жизни, света и взаимной любви»*, отношения России и Китая налаживаются, в 2005 г. Правительство Китайской Народной республики решает передать икону Святителя Николая Мирликийского, хранящуюся в Историческом музее, Российскому правительству. И, наконец, четвертая легенда агиографического характера, в которой доживший до 130-летия создатель харбинской иконы Николая Мирликийского Никита Иконник встречается со своим творением и одновременно – покровителем, и упокоенный, покидает этот мир со светлыми думами, как новый святой [Николаев, 1968, 64–86].

К сожалению, в детальном отношении пророчеству, сформулированному в 1968 г., не суждено было ещё сбыться. Однако поражает глубина прозрений автора, истово верующего в то, что Россия снова обретёт свою государственность, Храм Христа Спасителя будет восстановлен (причём примерно в те же годы, что и примыслил автор), православие перестанет быть гонимым. Прагматика текста и его пафос столь убедительны, что современный читатель сразу не может осознать, что он держит перед собой издание 1968 г.

Годы «культурной революции», последующие социально-политические и этномиграционные процессы в Китае и на Северо-востоке, сложные советско-китайские отношения второй половины XX в. фактически стёрли из сознания харбинских китайцев представления о «Никола с вокзала». Мы с трудом находим респондентов-китайцев – коренных харбинцев, помнящих о жизни города до 1966 г., да и те рассказывают об этом неохотно. Тем интереснее один из мемуаров о Свято-Николаевском Соброре, отражающий взгляды поколения тех самых хунвейбинов (вполне возможно, что девочкой наша информантка сама принимала участие в разрушении храма, которое продолжалось 3 дня): *«Как должен знать твой папа <обращается к собирательнице. – Авт.>, когда он был ребёнком, они взбирались на нашу улицу Чжуншань (китайское название Старой Вокзальной площади. – Авт.), <...> раньше оттуда было видно Собор, а от него спускались в железнодорожный вокзал. А теперь это подземная площадь Хунбо, а под (землёй) – торговый центр, наверху похожий на стеклянный дом. Я забыла имя <этой церкви>. Да, Лама Тай... Ка-*

ждое воскресенье много людей, русских, ходили в Лама Тай. <...> Много, много людей. Старые есть, молодые есть, женщины и мужчины, разные люди. <...> И видела, женщины надевали платки на голову, все плотно прикрыто. У этой самой большой церкви много людей выстраивалось, чтобы войти в церковь, люди внутри и снаружи. Но внутри чем занимаются, мы не знаем. Потому что не были внутри. Думаю, можно <было зайти китайцам>, но никто не хотел, потому что китайцы не верят. В этой самой большой церкви, Лама Тай, <который> ты называла. Очень хорошая церковь, много дверей. <Мы> не заходили <в церковь>. Та церковь в три или четыре раза больше этой <Софийского храма> Но её ... убрали, убрали в культурную революцию. Убрали, и я взяла одну планку (букв.), <икону>. Потому, что все говорят, это <качество> хорошее, они <хунвейбины> много забрали домой, что-то делали, а я только одну взяла, как сувенир. Надо сказать, что качество их <русских> вещей очень хорошее. Масляная (лаковая) живопись густая и блестящая...» (Зап. от Чжэн Маочжэнь 郑茂珍, Zheng Maozhen, 1943 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин (КНР); 2020 г. Соб.: Цзюй Куньи, Чжан Кайжо) [ЦИДВЭ АмГУ].

Несмотря на то, что икона Святителя Николая Мирликийского и его образ из часовни были утрачены, а православные верующие долгое время были лишены возможности посещать храм, редкие оставшиеся в Харбине русские и метисированные жители через все испытания пронесли веру в то, что Николай Угодник им помогает. Любовь Николаевна Шитова, дочь русской женщины и китайца, человек тяжёлой судьбы, признается в том, что имеет в домашнем алтаре образок Николая: «У меня в той комнате такая полочка, иконы у меня. Крёсна мне дала икону хорошу, потом брат привозил. Я редко здесь нахожусь, у меня эта комната сяс, можно сказать, кладовка, у меня там всё иконы. В воскресенье, если я не хожу в церковь, я часов в девять помолюсь и лампадку зажигая, горит она у меня до двух, до трёх, потом боюсь забыть – тушу. Когда в церкву хожу, я не зажигаю» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин (КНР); 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Наша респондентка твёрдо убеждена в присутствии Николая Чудотворца в своей праведной жизни, причём в самых разных его проявлениях, например – как спасителя от гонителей, о чем её «рассказы о чудесах»: «Утром обязательно помолюсь, потом сажусь за еду. Мне Боженька всегда помогает, почему я верю и ещё больше стала верить. Было несколько таких вопросов, который я испытала на себе. Меня, когда там держали в школе [речь идёт о том, как Любовь Николаевну арестовали как пособницу империалистов, за то, что она говорила по-русски и работала учителем русского языка. – Авт.], а эти хуйвейбины молодые, они же тоже в этой свой же школе уч<ы>лись, мне племянник вещи приносил: мыло, там ещё кое-что мне приносил он. Один раз он пришёл и, когда выходил, встретил их, они кучей куда-то ходили, потом пришли и девочка спрашивали: кто, кому, что принёс. Они говорят, что мне принёс. Они пошушукались и говорят: “В следующий раз придёт ещё, мы его проучим”. Я понимаю, что это значит. Я вечером в постели уже так молила Николая Угодника со слезами. И через несколько дней, когда племянник пришёл, этих бандитов не было. Потом забыли уже. Вот несколько таких у меня [историй]. Я очень сяс верю, особенно в Николая Угодника» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин (КНР); 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Николай Чудотворец не оставляет семью Любови в болезни: «Вот муж заболел, а у нас посуда была такая, что можно её долго держать – не остынет. Я говорю, надо эту кружку принести. Он [муж] говорит: “Не найдёшь, под кроватью, ты не достан<э>шь”. Мне наклоняться с трудом. Я взяла кочэргу, подняла покрывало, у ножки стоит эта посуда. Сразу меня в слёзы: ну кто мог с таво угла [дальнего. – Авт.] под кроватью поставить сюда поближе?!

Вот перед операцией я тоже молилась, просила Николая Угодника, чтобы дал мне ещё походить. Сяс хожу плохо с палочкой, но всё-таки хожу. Я сяс верю: помолитесь, попросишь и что-то получишь» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин (КНР); 2016 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Святитель «отводит» харбинскую праведницу «от лукавого»: «Если веришь, не надо обманывать. Племянница из Австралии приехала. У ней серёжки: красивые, жемчуг, блестящие, хорошенькие. Она как-то перед зеркалом одевалась. Я говорю: “В следующий раз приедешь – мне привези [серёжки. – Авт.] такую пару”. Она говорит: “Я эти тебе оставлю”. Она мне их оставила. Я их одела и пошла в церковь. Стою и думаю: “Мне надо ещё пару попросить, скажу, что одну потеряла”. Вот надеваю серёжки и сама думаю про это, надела и пошла в церковь, обратно вернулась, села перед зеркалом снимать, а у меня одна. Вот урок мне» (Зап. от Любови Николаевны Шитовой (Ли) 李金玉, Li Jinyu, 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Харбин (КНР); 2019 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Заключение

Мы можем констатировать, что в настоящее время тематический комплекс фольклорных текстов о Николае Угоднике из актуальных жанров харбинского «городского фольклора» перешёл в разряд «исторической прозы». Дополняя литературный, мемуарный, публицистический тексты о харбинских святых, этот фольклорный пласт органично вписывается в мифологизированную историософию «намоленного» Харбина. В его жанровом разнообразии совместились индивидуальное и «соборное» отношение к Николаю Чудотворцу – не случайно многие фабулаты стали частью проповедей и апокрифов. В чудотворных деяниях Угодника воплощены все функции, присущие святому, для харбинцев его благость не имеет ни возрастных, ни этнических границ. Общерусский и региональный (сибирский), русский и китайский компоненты в почитании святого, отражённые в фольклорных жанрах легенды, были, былички, «случая из жизни», мемората, свидетельствуют о маргинализации и синкретизации религиозного сознания жителей дальневосточного фронта. Особый интерес представляют фольклорные тексты о Николае Чудотворце, возникшие после ухода русских из Харбина и характеризующиеся профетическим содержанием.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Acknowledgement

The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00318 “Images of Russia and China in literary ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s – 1940s of the 20th century)”.

Библиографический список

1. Аничков, Е.В. Микола угодник и св. Николай / Е.В. Аничков. – СПб.: Типография В.С. Балашева и К°, 1892. – 58 с.
2. Ачаир, А. Под золотым небом / А. Ачаир. – Харбин, 1943.
3. Балашова, А.Ф. Помощь святителя Николая в годы Великой Отечественной войны: основные фольклорные сюжеты / А.Ф. Балашова // Язык. Сознание. Коммуникация. – М.: ООО «Макс-пресс», 2014. – С. 62–69.
4. Веселова, И.С. «Несказочная» проза: мифологические нарративы [Электронный ресурс] / И.С. Веселова // Фольклор и фольклористика. Современная научная парадигма и образовательные технологии. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).
5. Веселовский, А.Н. Илья-Илий (Гелиос)? / А.Н. Веселовский // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. VI–X. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1883. – С. 293–353.
6. Вознесенский А. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России / А. Вознесенский, Ф. Гусев. – СПб.: Синодальная типография, 1899. – 724 с.
7. Дземешкевич (Хлустова), Л.К. Харбинцы. Рукопись книги / Л.К. Дземешкевич // Архив фонда Дома русского зарубежья. – Ф. 1. Р–277.

8. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. – М.: Вост. лит., 2007. – 869 с.
9. Забияко, А.А. Беседы с русской харбинской: Любовь Николаевна Ли / А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуан // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2018. – Вып. 12. – С. 212–229.
10. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина / А.А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 447 с.
11. Забияко, А.А. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н.Н. Лалетиной) / А.А. Забияко, Цзюй Куньи // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 78–94.
12. Забияко, А.А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина / А.А. Забияко // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2021. – С. 7–57.
13. Забияко, А.А., «Четверть века беженской судьбы...»: (Художественный мир лирики русского Харбина): монография / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2008. – 429 с.
14. Забияко, А.А. «По Забайкалью и Амуру» А.П. Фарафонтова как источник исследования народного православия на территории дальневосточного фронта начала XX века / А.А. Забияко, Я.В. Зиненко // Религиоведение. – 2021. – № 2. – С. 28–43.
15. Забияко, А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А.П. Забияко // Забияко А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Ловошко, А.А. Хисамутдинов. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2015. – С. 3–14.
16. Забияко, А.П. Народная религия / А.П. Забияко // Религиоведение: энцикл. словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 672–673.
17. Забияко, А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности / А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 340 с.
18. Забияко, А.П. Народное православие русских Трёхречья / А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко // Религиоведение. – 2016. – № 3 (93). – С. 121–136.
19. Зиненко, Я.В. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов / Я.В. Зиненко, Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2015. – Вып. 11. – С. 363–371.
20. Коммунистическое иконоборчество // Восток. – Харбин, 1925. – № 147. – 15 сентября. – С. 3.
21. Конталева, Е.А. Религиозно-синкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина) // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 45–54.
22. Коростелев, В.В. Православие в Маньчжурии (1898–1956) / В.В. Коростелев, А.К. Караулов. – Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2019. – 888 с.
23. Криничная, Н.А. Русская мифология. Властители мироздания (былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями) / Н.А. Криничная. – М.: Академический проект, 2018. – 318 с.
24. Крузенштерн-Петерец, Ю. Воспоминания / Ю. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. – 1998. – № 5. – С. 25–83.
25. Кузнецова, В.С. Николай Чудотворец поруккой: фольклорные и книжные версии сюжета / В.С. Кузнецова // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – № 19(1). – С. 7–38.
26. Крючкова, Т. Истоки иркутской иконописи [Электронный ресурс] // Михаило-Архангельский Харлампиевский храм. Русская Православная Церковь. Иркутская епархия. – 2018. – URL: <https://harlamp.ru/2018/03/23/istoki-irkutskoj-ikonopisi/> (дата обращения: 11.10.2021).
27. Ловошко, С.С. Православный храм в дальневосточном русском зарубежье: архитектурно-художественная традиция и историческое время (первая половина XX в.) / С.С. Ловошко // Религиоведение. – 2003. – № 4. – С. 136–147.
28. Ловошко, С.С. Архитектор Иосиф Владимирович Падлевский и кафедральный Свято-Николаевский собор в Харбине // Политехник. – Сидней, 2004. – Вып. 16. – С. 140–143.
29. Ловошко, С.С. Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина / С.С. Ловошко // Забияко А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Ловошко, А.А. Хисамутдинов. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2015. – С. 15–72.

30. Лешошко, С.С. Россия на Дальнем Востоке: символы градостроительной политики и православные храмы в русском стиле (вторая половина XIX – первая треть XX веков) / С.С. Лешошко // Христианское зодчество. Материалы и исследования / Отв. Ред. И.А. Бондаренко. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 664–702.
31. Лешошко, С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века / С.С. Лешошко. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 176 с.
32. Лешошко, С.С. Русское религиозное искусство конца XIX – начала XX века и православные храмы в Русском Зарубежье на Дальнем Востоке в первой трети XX века. К постановке проблемы / С.С. Лешошко // Христианство на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы научной конференции (г. Уссурийск, 19 апреля 2001 г.). – Уссурийск, 2001. – С. 10–31.
33. Лукьянов, А.Е. Лаоцзы (философия раннего даосизма) / А.Е. Лукьянов. – М.: Изд-во УДН, 1991. – 164 с.
34. Мелихов, Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х / Г.В. Мелихов. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
35. Неклюдов, С.Ю. Современный городской фольклор / С.Ю. Неклюдов, Е.А. Костюхин. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – 736 с.
36. Несмелов, А. Касьян и Микола / А. Несмелов // Рубеж. – Харбин, 1938. – № 2. – 7 янв. – С. 4.
37. Несмелов, А. Понужай / А. Несмелов // Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. – Т. 1. – С. 132–134.
38. Николаев, Ю.Т. Никита Иконник / Ю.Т. Николаев. – Сан-Франциско: [Б. и.], 1968. – 88 с.
39. Николай Чудотворец [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nikola-ygodnik.narod.ru/> (дата обращения: 11.10.2021).
40. Огарков, Н.В. Харбино-Гири́нская операция 1945 / Н.В. Огарков // Советская Военная Энциклопедия. – М.: Воениздат, 1980. – Т. 8. – С. 358–359.
41. Покроповина, С. О разрушении русских святынь в городе Харбине / С. Покроповина // Друзьям от друзей. – 1994. – № 41 (дек.). – С. 36.
42. Пропп, В.Я. Поэтика фольклора / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 351 с.
43. Разрушен Свято-Николаевский собор в Харбине (Письмо из Китая) // Русская жизнь. – 1966. – 20 окт.
44. Ростовский, Д. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четырех-Миней / Д. Ростовский. – М.: Книжное дело, 2003. – Кн. 7. – 750 с.
45. Сербский (Велимирович) Н. (святитель). Чудеса Божии / Н. Сербский. – Мн.: Издательство Дм. Харченко, 2013. – 208 с.
46. Старик с вокзала – прошу, помоги мне! Чудесное спасение молодого китайца Николаем Чудотворцем [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f9af61f7b1e8f262fc509ee/starik-s-vokzala--proshu-pomogi-mne-chudesnoe-spasenie-molodogo-kitaica-nikolaem-chudotvorcem-5fbfcb02210b317d1e469323> (дата обращения: 11.10.2021).
47. Успенский, Б.А. Культ Николы на Руси в историко-культурном освещении (Специфика восприятия и трансформация исходного образа) // Труды по знаковым системам. Вып. 10 / Отв. ред. Ю.М. Лотман. – Тарту, 1978. – С. 86–140.
48. Успенский, Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 248 с.
49. Филарет (Вознесенский), митрополит. Проповеди / Филарет (Вознесенский) // Азбука веры. – 1982. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Voznesenskij/propovedi/6_15 (дата обращения: 11.10.2021).
50. Фундерат, Т.Л. Святитель Николай – покровитель нашего города [Электронный ресурс] // Единение. – 29.06.2015. – URL: <https://www.unification.com.au/articles/2845/> (дата обращения: 11.10.2021).
51. Храм для узников // Рубеж. – Харбин, 1928. – № 13. – 15 апр. – С. 10.
52. Центр изучения дальневосточной эмиграции [Электронный ресурс]. – URL: <https://emigrant.amursu.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).
53. Цзюй Вэй. История Харбина в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. мемораты / Цзюй Вэй, Цзюй Кунь, А.А. Забияко // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научной-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 200–213.
54. Цзюй Кунь. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Кунь // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 120–135.

55. Цзюй Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов в Австралии / Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2020. – С. 391–401.
56. Шмейсер, М. Светлый праздник в Харбине / М. Шмейсер // Рубеж. – Харбин, 1939. – № 15. – 9 апр. – С. 21.
57. Щеглова, Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. – 2020. – № 5(13). – С. 8–22.
58. Zinenko, Y.V. Harbin image in the memories of its inhabitants / Y.V. Zinenko, Kunyi Ju // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1791–1796. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.237.
59. Вань, Ли. Словарь культуры Хусян / Вань Ли. – Чаньша: Народное изд-во провинции Хунань, 2006. – 2000 с. (万里. 湖湘文化大辞典. 长沙: 湖南人民出版社, 2006. 2000 页).
60. Гэн, Вэньхуэй. Словарь китайских пословиц / Гэн Вэньхуэй. – Шеньян: Ляонинское народное изд-во, 1991. – 1504 с. (耿文辉. 中华谚语大辞典. 沈阳: 辽宁人民出版社, 1991. 1504 页).
61. Жень, Джинюй. Большой религиозный словарь / Жень Джинюй. – Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 1998. – 1272 с. (任继愈. 宗教大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 1998. 1272 页).
62. Чжан, Кэмин. Словарь знаний Китайской Республики / Чжан Кэмин. – Пекин: Китайская международная радиовещательная пресса, 1989. – 734 с. (张克明. 中华人民共和国大辞典. 北京: 中国国际广播出版社, 1989. 734 页).

Текст поступил в редакцию 14.10.2021.

Принят к публикации 31.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

¹ Пиджин: «Хорошо! Очень хорошо! Этот старик (Николай Угодник) очень хороший, большевики – плохие!»

² В 1935 году вариант этого стихотворения был опубликован в газете «Рупор» под названием «Дед Понужай» и датой «6 декабря 1934 г.» // Рупор. 1935. 1 января. С. 6.

³ Митрополит Филарет (в миру Георгий Николаевич Вознесенский; 1903, Курск – 1985, Нью-Йорк), епископ Русской православной церкви за границей (РПЦЗ); с 27 мая 1964 года третий первоиерарх Русской православной церкви за границей, митрополит Нью-Йоркский и Восточноамериканский. С 1931 по 1947 г. служил в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» при «Доме милосердия» Камчатского подворья в Харбине. В 1933 г. возведён в сан игумена, в 1937 г. – во архимандрита. В 1944 г. назначен настоятелем Иверского храма на Пристани, сменив на этой должности своего отца.

⁴ Димитрий (в миру Обухов Николай Авраамович) [Коростелев, Караулов, 2019, 620].

References

1. Achair A. *Pod zolotym nebom* [Under golden skies]. Harbin, 1943 (in Russian).
2. Anichkov E.V. *Mikola ugodnik i sv. Nikolaj* [Saint Mykola and St. Nicholas]. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva i K°, 1892, 58 p. (in Russian).
3. *Arhiv fonda Doma ruskogo zarubezh'ya* [Archive of the Foundation of the House of Russian Diaspora]. Fund 1. File P-277 (in Russian).
4. Balashova A.F. *Yazyk. Soznanie. Kommunikaciya* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow, 2014. pp. 62–69 (in Russian).
5. *Centr izucheniya dal'nevostochnoj emigracii* [Center for the Study of Far Eastern Emigration]. Available at: <https://emigrant.amursu.ru/> (accessed on September 20, 2021) (in Russian).
6. *Duhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual culture of China]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007, 869 p. (in Russian).
7. Filaret (Voznesenskij), mitropolit. *Azbuka very* [ABC of Faith]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Voznesenskij/proповedi/6_15 (accessed on October 11, 2021) (in Russian).
8. Funderat T.L. *Ednenie* [Unity]. Available at: <https://www.unification.com.au/articles/2845/> (accessed on October 11, 2021) (in Russian).
9. Geng Wenhui. *Slovar' kitajskih poslovic* [Dictionary of Chinese Proverbs]. Shenyang: Lyaoninskoe narodnoe Publ., 1991, 1504 p. (in Chinese).
10. Ju Kunyi. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Vyp. 13: Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Peoples and Cultures of Northeast China]. Blagoveshchensk: Publ. Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, vol. 13, pp. 391–401 (in Russian).

11. Ju Kunyi. *Tradicionnaya kul'tura* [Traditional culture]. Moscow, 2019, no. 20, vol. 4, pp. 120–135 (in Russian).
12. Ju Wei, Ju Kunyi, Zabyako A.A. *Lyubimyj Harbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu russkoj istorii g. Harbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoj diaspory v Kitae* [Favorite Harbin – the city of friendship between Russia and China. Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 120th anniversary of the Russian history of Harbin, the past and present of the Russian diaspora in China]. Vladivostok, 2019, pp. 200–213 (in Russian).
13. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2020, no. 3, pp. 45–54 (in Russian).
14. Korostelev V.V., Karaulov A.K. *Pravoslavie v Man'chzhurii (1898–1956). Ocherki istorii* [Orthodoxy in Manchuria (1898–1956). History essays]. Moscow: Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2019, 888 p. (in Russian).
15. Krinchayna N.A. *Russkaya mifologiya. Vlastiteli mirozdaniya (bylichki, byval'shchiny, legendy, pov'er'ya o lyudyah, obladayushchih magicheskimi sposobnostyami)* [Russian mythology. The rulers of the universe (bylichki, past stories, legends, beliefs about people with magical abilities)]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2018, 318 p. (in Russian).
16. Kruzenshtern-Peterec Yu. *Rossiyanе v Azii* [Russians in Asia]. Toronto, 1998, no. 5, pp. 25–83 (in Russian).
17. Kryuchkova T. *Mihailo-Arhangel'skij Harlampievskij hram. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov'. Irkutskaya eparhiya* [Michael-Archangel'sk Kharlampievskiy temple. Russian Orthodox Church. Irkutsk diocese]. Available at: <https://harlamp.ru/2018/03/23/istoki-irkutskoj-ikonopisi/> (accessed on October 11, 2021) (in Russian).
18. Kuznecova V.S. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics]. Petrozavodsk, 2021, no. 19(1), pp. 7–38 (in Russian).
19. Levoshko S.S. *Hristianskoe zochestvo. Materialy i issledovaniya* [Christian architecture. Materials and research]. Moscow, 2004, pp. 664–702 (in Russian).
20. Levoshko S.S. *Hristianstvo na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Christianity in the Far East: history and modernity]. Ussuriysk, 2001, pp. 10–31 (in Russian).
21. Levoshko S.S. *Politekhnik* [Polytechnic]. Sidney, 2004, no. 16, pp. 140–143 (in Russian).
22. Levoshko S.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2003, no. 4, pp. 136–147 (in Russian).
23. Levoshko S.S. *Russkaya arhitektura v Man'chzhurii. Konec XIX – pervaya polovina XX veka* [Russian architecture in Manchuria. Late 19th – first half of 20th century]. Khabarovsk: Chastnaya kollekcija, 2003, 176 p. (in Russian).
24. Levoshko S.S. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Publ. Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, pp. 15–72 (in Russian).
25. Luk'yanov A.E. *Laoczy (filosofiya rannego daosizma)* [Laozi (early Taoist philosophy)]. Moscow: Publ. UDN, 1991, 164 p. (in Russian).
26. Melihov G.V. *Belyj Harbin. Seredina 20-h* [White Harbin. Mid-1920s]. Moscow: Russkij put', 2003, 440 p. (in Russian).
27. Neklyudov S.Yu., Kostyuhin E.A. *Sovremennij gorodskoj fol'klor* [Contemporary urban folklore]. Moscow: Publ. RGGU, 2003, 736 p. (in Russian).
28. Nesmelov A. *Rubezh* [Frontier]. Harbin, 1938, no. 2, pp. 4 (in Russian).
29. Nesmelov A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Vladivostok: Al'manah “Rubezh”, 2006, T. 1, pp. 132–134 (in Russian).
30. Nikolaev Yu.T. *Nikita Ikonnik* [Nikita Ikonnik]. San Francisco, 1968, 88 p. (in Russian).
31. *Nikolaj Chudotvorec* [Nicholas the Wonderworker]. Available at: <http://www.nikola-ygodnik.narod.ru/> (accessed on October 11, 2021) (in Russian).
32. Ogarkov N.V. *Sovetskaya Voennaya Enciklopediya* [Soviet Military Encyclopedia]. Moscow, 1980, T. 8, pp. 358–359 (in Russian).
33. Pokropivina S. *Druz'ya ot druzej* [To friends from friends]. Sidney, 1994, no. 41, p. 36 (in Russian).
34. Propp V.Ya. *Poetika fol'klora* [Poetics of folklore]. Moscow: Labirint, 1998, 351 p. (in Russian).
35. Rostovskij D. *Zhitiya svyatyh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej* [The Lives of the Saints in Russian, set forth according to the leadership of the Menology]. Moscow: Knizhnoe delo, 2003, book 7, 750 p. (in Russian).
36. *Rubezh* [Frontier]. Harbin, 1928, no. 13, pp. 10 (in Russian).
37. *Russkaya zhizn'* [Russian life]. October 20, 1966 (in Russian).
38. Schmeiser M. *Rubezh* [Frontier]. Harbin, 1939, no. 19, pp. 21 (in Russian).
39. Serbskij (Velimirovich) N. (svyatitel'). *Chudesa Bozhii* [Miracles of God]. Minsk: Publ. Dm. Harchenko, 2013, 208 p. (in Russian).
40. Shcheglova T.K. *Istoricheskij kur'er* [Historical courier]. 2020, no. 5(13), pp. 8–22 (in Russian).
41. *Starik s vokzala – proshu, pomogi mne! CHudesnoe spasenie mladogo kitajca Nikolaem Chudotvorcem* [The old man from the station – please help me! The miraculous rescue of a young Chinese man by Nicholas the Wonderworker]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f9af61f7b1c8f262fc509ec/starik-s-vokzala--proshu-pomogi-mne-chudesnoe-spasenie-molodogo-kitajca-nikolaem-chudotvorcem-5fbfcb02210b317d1e469323> (accessed on October 11, 2021) (in Russian).
42. Ustovskiy B.A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostej (Relikty yazychestva v vostochnoslavjanskom kul'te Nikolaya Mirlikijskogo)* [Philological research in the field of Slavic anti-

- quities (Relics of paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra)]. Moscow: Publ. MGU, 1982, 248 p. (in Russian).
43. Uspensky B.A. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Tartu, 1978, no. 10, pp. 86–140 (in Russian).
44. Veselova I.S. *Fol'klor i fol'kloristika. Sovremennaya nauchnaya paradigma i obrazovatel'nye tekhnologii* [Folklore and folkloristics. Modern scientific paradigm and educational technologies]. St. Petersburg, 2003 (in Russian).
45. Veselovskij A.N. *Razyskaniya v oblasti russkogo duhovnogo stiha. VI–X* [Research in the field of Russian spiritual verse. VI–X]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1883, pp. 293–353 (in Russian).
46. *Vostok* [East]. Harbin, 1925, no. 147, pp. 3 (in Russian).
47. Voznesensky A., Gusev F. *Zhitie i chudesa sv. Nikolaya CHudotvorca, archiepiskopa Mirlikijskago i slava ego v Rossii* [Life and Miracles of St. Nicholas the Wonderworker, Archbishop of Mirlikiysky and his glory in Russia]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1899, 724 p. (in Russian).
48. Wang Li. *Slovar' kul'tury Husyan* [Dictionary of Huxiang culture]. Chansha: Narodnoe Publ. provincii Hunan, 2006, 2000 p. (in Chinese).
49. Zabiyako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina* [The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: Publ. Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2016, 437 p. (in Russian).
50. Zabiyako A.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2021, no. 4, pp. 78–94 (in Russian).
51. Zabiyako A.A. *Russkij Harbin, zapechatlyonnyj v slove. Hudozhestvennaya etnografiya Severnoj Man'chzhurii: russkij i kitajskij tekst* [Russian Harbin, imprinted in the word. Artistic Ethnography of Northern Manchuria: Russian and Chinese Text]. Blagoveshchensk: Publ. Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, vol. 8, pp. 7–51 (in Russian).
52. Zabiyako A.A., Efendieva G.V. “*Chejvert' veka bezhenskoj sud'by...*”: (*Hudozhestvennyj mir liriki russkogo Harbina*) [“A quarter of a century of refugee fate...”: (The artistic world of the lyrics of Russian Harbin)]. Blagoveshchensk: Publ. Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, 429 p. (in Russian).
53. Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2021, no. 2, pp. 28–43 (in Russian).
54. Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V., Zhang Ruyang. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Russkaya emigraciya v Kitae: opyt iskhoda* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russian emigration in China: the experience of the exodus]. Blagoveshchensk: Publ. Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, vol. 12, pp. 212–229 (in Russian).
55. Zabiyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Moscow, 2006, pp. 672–673 (in Russian).
56. Zabiyako A.P. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Publ. Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, pp. 3–14 (in Russian).
57. Zabiyako A.P., Zabiyako A.A. *Russkie Tryohrech'ya: osnovy etnicheskoj samobytnosti* [Russian Three Rivers: Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk: Publ. IAET Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2017, 340 p. (in Russian).
58. Zabiyako A.P., Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2016, no. 3(93), pp. 121–136 (in Russian).
59. Zhan Keming. *Slovar' znaniy Kitajskoj Respubliki* [Dictionary of Knowledge of the Republic of China]. Pekin: Kitajskaya mezhdunarodnaya radioveshchatel'naya pressa, 1989, 734 p. (in Chinese).
60. Zhen Zhiyu. *Bol'shoj religioznyj slovar'* [Big Religious Dictionary]. Shanghai: Shanhajskoe slovarnoe Publ., 1998, 1272 p. (in Chinese).
61. Zinenko Ya.V., Ju Kunyi. *Evropejskie trudy po social'nym i povedencheskim naukam* [European Proceedings of Social and Behavioural Sciences]. 2021, vol. 107, pp. 1791–1796 (in English).
62. Zinenko Ya.V., Ju Kunyi. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Istoricheskij opyt vzaimodejstviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Historical experience of cultural interaction]. Blagoveshchensk: Publ. Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, vol. 11, pp. 363–371 (in Russian).

Submitted for publication: October 14, 2021.

Accepted for publication: January 31, 2022.

Published: March 29, 2022.